

На хуторе безымянном

В эстонской глухомани творил
А. Солженицын свой «Архипелаг
ГУЛАГ». Кто прятал его там?

Александр Солженицын, как известно, родился в Ставропольском крае, в Кисловодске. «45-я параллель» — газета фонда культуры — в течение нескольких лет вела исследование жизни своего великого земляка. Было опубликовано множество статей под общим названием «Корни и крона». Это различные поэмы с мест пребывания Александра Солженицына в нашем крае, рас-

сказы о родственниках, встречи с ними. На каком-то этапе публикации пришлось прекратить, поскольку было письмо, опровергающее некоторые данные о пребывании Солженицына на Ставрополье. В Вермонт писателю были направлены все публикации издания «45-й параллели» для ознакомления. И вот наконец пришел в Ставрополь долгожданный ответ:

«3.6.91. Уважаемый Борис Яковлевич, спасибо за присылку хороших фотографий Ксенни Васильевны [сестра Солженицына, проживающая в селе Сабля Ставропольского края.—Б. С.], Саши Михеева-младшего [племянник Солженицына.—Б. С.], за копии моих писем к Саше Михееву-старшему [эти письма были найдены с большим трудом у родственников, когда он писал из Кок-Терека, будучи в ссылке, с воем двоюродному брату Александру Михееву, ныне покойному.—Б. С.]. Дневник учительницы я отдаю перепечатать, потом при okazji, если надо, верну. Но вообще мы в Мемуарной библиотеке сохраняем все наилучшим образом [дневник вела учительница, закончившая Бестужевские курсы. В нем описывается эпизод ее встречи с отцом Александра Исаевича — Исаем Солженицыным, который заканчивал пятигорскую гимназию.—Б. С.]. Читал ваши корреспонденции, целую серию [«45-й параллели».—Б. С.]. Действовали вы находчиво, кое-что нашли и побеседовали кое с кем из моих близких. Но вот, если «Новый мир» осилит — напечатается Пятое Дополнение к «Теленку» — узнаете и вы побольше. Всего доброго. А. СОЛЖЕНИЦЫН».

Это письмо из Кавендиша пришло в газету «45-я параллель», она любезно предоставляет его «Рабочей трибуне». Ниже мы предлагаем читателям интервью Бориса Смоля с Хели Сузи — дочерью Арнольда

Сузи, который находился в тюрьме вместе с А. Солженицыным. Примечательно, что начинается материал с давно известных пророческих слов: «Неисповедимы пути Господни»...

НЕИСПОВЕДИ МЫ пути Господни...

Многое прочитанное, виденное бросало меня то в одну, то в другую точку, искать места, где бывал Солженицын. Об этом еще будет вестись разговор. А пока — Эстония! Мало кто знает о том, что именно здесь, в Эстонии, у прекрасных людей Александр Исаевич нашел приют и покровительство, что здесь он писал начисто «Архипелаг ГУЛАГ». Как мне удалось разыскать Хели Сузи, пусть останется журналистской тайной.

Хели Арнольдовна — преподаватель Таллиннской консерватории, интеллигентнейший человек, интересный рассказчик. После недолгой, но очень любезной переписки, Хели Сузи согласилась ответить на интересующие вопросы, но предупредила: «...Если текст для вас слишком резкий и политический, то помните, с кем мы имеем дело. Все воспоминания тех времен о папе и Александре Исаевиче могут быть только политическими. Уменьшить это, исказить, солгать — невозможно...».

Итак, вспоминает Хели Арнольдовна Сузи:

— Меня и раньше просили рассказать о встречах с Александром Исаевичем, но я всегда отказывала. Слишком деликатное это дело — говорить о другом человеке, особенно о таком значительном. Это может быть ему неприятно, и, возможно, он имеет другой взгляд на события. Сам Александр Исаевич ведь еще ничего не публиковал о своем пребывании в Эстонии. Наконец всегда есть опасность невольно преувеличить свое значение. Главную роль в связях Александра Исаевича с нашей семьей играл все-таки мой отец — Арнольд Сузи (о нем можно прочитать в первой части «Архипелага ГУЛАГ». — Б. С.). Пример дружбы этих двух ярких, но очень разных по натуре людей — едины были любовь к русской культуре, дух свободы и острый ум — особенно кстати вспомнить сегодня, когда место по разные стороны баррикад в Прибалтике определяется вовсе не национальными признаками.

— Когда вы впервые услышали о Солженицыне?

— Первый раз имя Солженицына прозвучало для меня в Хакасии, куда в 1949 году была выслана наша семья. В 1954 году после долгих лет в лагерях и в ссылке в северных районах приехал туда к нам и мой, в то время очень ослабленный, отец. В 1944 году он участвовал в подпольной борьбе за восстановление независимости Эстонской республики и был арестован сразу после входа советских войск в Эстонию. В 1945-м они с Александром Исаевичем встретились в тюрьме на Лубянке и запомнили друг друга на всю жизнь.

Позже отец рассказал нам об интереснейших людях среди со-зеков, а их было немало. Тогда же он упоминал и русского капитана артиллерии Александра Исаевича Солженицына: «Молодой русский, — говорил он, — мне кажется, гениальный талант, блестящий ум, правда, пока еще считающий себя марксистом. Но, если уцелел он там, мы обязательно о нем еще услышим».

Так и случилось. Несмотря на мировоззренческие шоры, природное стремление к истине и жажда познавать мир были в Александре Исаевиче очень сильны. Он с жадностью слушал рассказы рассудительного и умудренного жизнью демократа и правоведа — моего отца о западной демократии, о трех независимых властях в ней — законодательной, исполнительной и судебной. Его особенно изумляли и удивляли государственное устройство и первая конституция маленькой Эстонской республики. Но иногда Солженицын вдруг прерывал разговор и говорил: «Нет, это не так. Тут мы разговор прекратим, этого не может быть». И отец переставал его переубеждать, зная, что бессмысленно спорить, когда партнер видит только одну сторону. В таких случаях они для разнообразия занимались латинским языком. Причем все это происходило во время ежедневных коротких прогулок на крыше тюрьмы, так как в камере открытые политические разговоры были бы губительны. Позднее Александр Исаевич встречался со многими эстонцами и стал с большой

НА ХУТОРЕ БЕЗЫМЯННОМ

Работа трибуна. - 1991. - Никель
в эстонской глухомани творил А. Солженицын
свой «Архипелаг ГУЛАГ».

Кто прятал его там?

[Окончание.

Начало на 1-й стр.]

симпатией относиться к нашей стране и людям. Освободившись из ссылки, он при первой возможности посетил Эстонию, чтобы разыскать братьев-зек и собрать у них воспоминания для «Архипелага». Эти связи он сохранял до смерти Арнольда Юхановича в 1968 году, когда уже шла открытая травля против него.

Нашу страну Солженицын полюбил, видимо, с первых встреч, полюбил ее чистоту и порядок, от которого, на наш взгляд, уже мало что осталось, тишину, вкусные блюда в сельских столовых и многое другое. Он считал Эстонию идеальным местом для работы. Несмотря на свою коренную привязанность к русской деревне, собирався купить себе хутор где-то в средней или южной Эстонии. Следует заметить, что в шестидесятые годы советизация Эстонии еще не приняла такого масштаба: в стране, особенно в деревне, сохранились трудовые традиции прежних лет, еще живы были люди, помнившие годы независимости, еды хватало, чище были и природа, и души людей, приезжих было меньше. Александр Исаевич не верил своим глазам: везде у дорог стоят без всякого пристрастия бидоны с молоком для отправки в молочные пункты, и никто их не украдет!.. Впрочем, стоят и теперь.

— Сузи Арнольдовна, а когда вы впервые увидели Солженицына?

— Летом 1963 года в Тарту, куда он приехал встретиться с Арнольдом Сузи. Я была несколько скептически настроена: все-таки марксист! Но сомнения скоро испарились. Первые слова Александра Исаевича отцу при встрече после восемнадцатилетнего перерыва были: «Арнольд Юханович, я теперь совсем другой человек». В этот первый вечер мы долго сидели за столом, Александр Исаевич много рассказывал в своей блестящей манере: о хлебном восстании в Новочеркасске, об истории «Ивана Денисовича», о своих планах, о политической обстановке, о возможностях действований и т. д. Но главное, что удивило нас: он до подробностей понимал все проблемы и трагедии нашего народа и нашей страны. Как папа сказал: «Он был нам абсолютно свой человек». Восхищали его гибкий ум, огромные знания, небывалая память, полет таланта, железная логика рядом с пылающей эмоциональностью. А сопроводили эти качества естественная открытость и простота. Конечно, мы наслаждались и изящным, выразительным языком Солженицына, особенно отец, поклонник Белинского, Герцена, Мережковского, Достоевского. Мне было сначала даже трудно следить за речами Александра Исаевича: мой русский был языком сибирского лесокосината, но я ощущала, как от него прямо искры летели, когда он говорил.

— Он много встречался с эстонцами?

— Да, но не ради удовольствия посещал Александр Исаевич эстонских друзей. Над всеми его путешествиями, встречами и разговорами господствовала его миссия — работа. Он был убежден, что вообще появился на свет и жив остался после смертельной болезни только для исполнения Божьего задания: служить истине, то есть очистить от лжи и искривлений «замороженный ум» русских людей. Считал, что, когда русский человек узнает всю правду о самом себе и о своей истории, он вновь обретет изначальную, присущую ему религиозность и дух раскаяния, а также справедливость и любовь к ближнему. Тогда отпадут искажения, созданные обманом и насилием. Это самообретение русского народа принесло бы благо всему миру, в том числе и угнетенным соседям. Для этого нужно было в ближайшие годы добирать материалы и дописывать «Архипелаг ГУЛАГ».

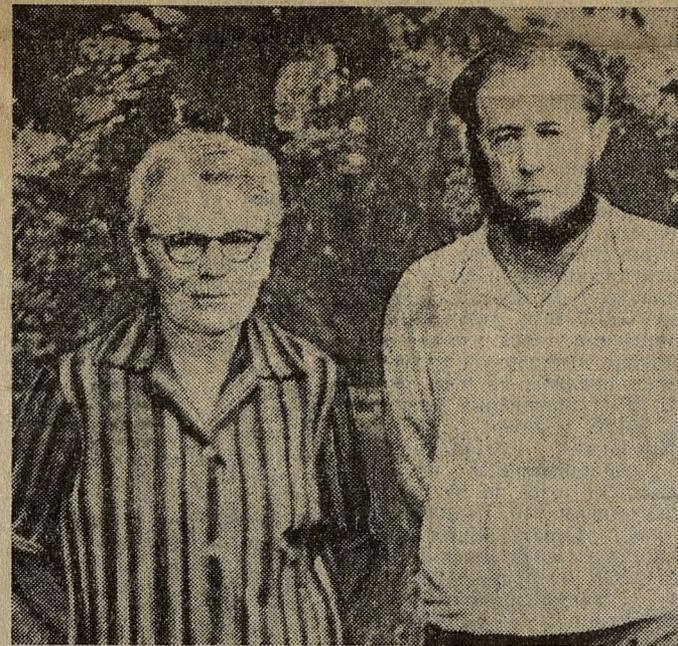
— Где жил и работал Солженицын в Эстонии?

— Надо было найти ему тихое деревенское местечко, где бы он мог в зимние месяцы почти незаметно и спокойно работать. Мы предложили хутор на юге Эстонии, где мои родители жили после возвращения из Сибири. Обычно эстонские хутора стоят на расстоянии друг от друга, но этот находился еще и в десяти минутах ходьбы от большой дороги, до магазина

было еще дальше. Недалеко текла речка, кругом поля и сенокосы, а у дома на вахте — могучие красивые деревья. Александру Исаевичу все это, конечно, очень понравилось. Зимой 1965—1966 и 1966—1967 годов он жил здесь и завершил работу над «Архипелагом ГУЛАГ».

— Травля Солженицына добралась и до Эстонии?

— Прошло десять лет от начала хрущевских реформ. Реакция действительно подняла голову и точила когти. Началась травля. Создаваемая книга была опасна как для режима, так и для автора. Надо было продумать все меры предосторожности. Для соседки, которая снабжала Александра Исаевича молоком, и других любителей он был ученый, пишущий диссертацию, ко-

торого нельзя было беспокоить. Сам он старался без необходимости никому не показываться. При крайней нужде ходил в магазин, где обращался к продавщице по-эстонски. «Если я побуду у вас продолжительное время, обязательно выучу эстонский язык», — говорил он не раз. Его, русского человека, мучало и удручало причиненное нашему народу зло, но желание знать язык возникло и от присущего ему глубокого уважения к другой нации, ее своеобразию, праву жить по-своему. Уже при первых посещениях Эстонии он записывал себе обиходные эстонские фразы славянскими буквами, чтобы и произношение было безупречным. Он создал для себя миниматный разговорник: «Кас тея он?» — у вас есть? «Андке палун» — дайте, пожалуйста. «Тэнан» — спасибо... Но по-прежнему предпочитал сидеть в «берлоге» и не бросаться в глаза. Потому в конце недели мне приходилось запаковать рюкзак с провиантом — это была самая скромная и здоровая пища: творог, квашеная капуста, растительное масло, сыр, хлеб, колбаса — и приезжать к нему на хутор. Зимний день короток, в темноте можно было добраться и уйти незаметно. Возвращаясь домой, брала с собой одну копию написанной в промежуточное время части книги, чтобы в случае чего хотя бы один экземпляр был бы спасен. Вот так, в течение нескольких зимних месяцев дело было сделано, рукопись собрана. О моих поездках знали только отец и брат. Никто не догадывался, что в эстонской деревне пишется книга, которой суждено разгромить величайшую ложь в мире.

— Как он работал, отдыхал?

— Александр Исаевич работал по 10—12 часов в сутки. Он занимал две комнаты хутора. В первой — большой — стояла печка, старомодный круглый стол и диван, в другой — задней комнате — огромный письмен-

ный стол и кровать. Там он писал и печатал — это было святое место, «посторонним вход запрещен!» Обедая Александр Исаевич во время передачи последних известий по радио, чтобы не тратить лишних минут. После обеда, на час или полтора, выходил во двор, рубил дрова, катался на лыжах на берегах реки или просто прогуливался там же или в маленькой роще поблизости. Только при «перевыполнении плана» он позволял себе побеседовать подробнее. Читал наизусть стихи, отрывки из своих произведений или просил меня читать немецких поэтов. Как я уже говорила, в своих воспоминаниях Александр Исаевич еще не решился рассказать о своих связях с Эстонией. В книге «Бодался телефон с дубом» он назовет ее так: «мое тихое укрывище» или «глушь», где он в напряженные времена нашел спокойствие.

— Для него те годы были уже очень трудными. Кто помогал ему?

— В те грозные годы самым важным была конспирация. Солженицын имел в Эстонии много близких друзей, у которых он также хранил рукописи. Они были и моими хорошими знакомыми, но когда мы не спрашивали и не говорили о наших деловых связях с Александром Исаевичем. Такая молчаливость не раз спасала наших людей от многих неприятностей. И на этот раз нам удалось сохранить тайну.

Все люди, с которыми Александр Исаевич общался, в какой-то мере были и сотрудниками, помощниками в его святой миссии освобождения человеческого духа. В предисловии к «Архипелагу» у него есть список бывших зеков и ссыльных, давших ему сведения об их переживаниях и «хождении по мукам» под действующим тогда террором. От моего брата Арно Солженицын услышал и записал судьбу эстонских спецпереселенцев в Красноярском крае. Долгими и подробными были разговоры с Арнольдом Юхановичем. Для «Архипелага» отец рассказал о, наверное, самых жестоких лагерных испытаниях — об этапах. Их беседы охватывали широкие спектры жизни человека на земле: каков он есть и каким мог бы быть. Говорили о русской культуре, об истории — бывшей и будущей. Тут надо еще раз подчеркнуть, что хотя Александр Исаевич ко всей нашей семье относился очень дружелюбно, и мои беседы с ним были волнующие и содержательные, настоящее значение для него имел только мой отец. «Человек с полетом», — сказал когда-то Александр Исаевич о нем. При всех, даже коренных различиях их натуры и происхождения, они поняли друг друга до конца, взаимно обогатили друг друга. Остальные были сотрудниками и милыми знакомыми... Я и сегодня вижу перед глазами большую светлую комнату, в которой в то время жила: вот они сидят за круглым столом — Арнольд Сузи и Александр Солженицын — два друга, двое серьезных, умных мужчин, знавших вес и значение происшедшего. Отец, явно взволнованный страшными воспоминаниями, рассказывает, а Александр Исаевич внимательно слушает и записывает аккуратным мелким почерком на розовые карточки любовными чернилами, которые он сам изготавил из химических карандашей. Помню, что я хотела предложить им чашку чая, но не осмелилась их

прервать: так и стояла на пороге, с замиранием сердца ощущала — без всякого санимента и надутости, — что тут, у меня дома, рождается правда, которая когда-то хлынет по всему этому оболганному миру и расшатает его до корней и, возможно, освободит.

— Хели Арнольдовна, а что для Александра Исаевича было особенно характерно тогда?

— Охота и умение сосредоточенно слушать других не только при сборе материала, но и в простой беседе. Как редко это бывает у людей, уже осознавших свой талант и превосходство ума и духовной силы. Но это умение Солженицына вытекало из познания своей роли — слуги Божьей воли. Он жадно хватал все новое, расширяющее круг зрения, постоянно совершенствовал свой образ мира — это было просто необходимо для такой службы.

От того и отвращение к пустой болтовне, глухой музыке, к ничтожным развлечениям. Каждая минута была ценной, каждую из них нужно было осмыслить, в том числе даже в моменты отдыха. Поэтому в разговорах с ним надо было быть всегда начеку: Александр Исаевич не принимал ни одной легко брошенной фразы, обязательно переспрашивал: как это так? Как вы это представляете? На пустые слова поверхностных людей — если такие случайно встречались — реакцией было одно уничтожающее слово: «Чушь!»

— А какое значение имела встреча с Солженицыным для вашего отца?

— Очень глубокое. Об этом свидетельствует то, что после шестнадцати лет лагерей и ссылки, а затем жизни на пенсию в 39 рублей (это самое унижающее обстоятельство для человека, работавшего всю жизнь, да разве сейчас таких мало!) отец за юбилейным столом своего семидесятилетия говорил, как он рад, что не удалось в 1944 году уехать за границу. Во-первых, он может со спокойной совестью умереть на Родине, и, во-вторых, если бы уехал, он бы никогда не встретился с Александром Исаевичем. В дружбе и сотрудничестве с Солженицыным он видел дар судьбы, компенсацию, искупающую для него многие муки и унижения неволи.

Отец мой умер в мае 1968 года и был похоронен во время Святой Троицы, в те дни, когда «Архипелаг ГУЛАГ» счастливо переправился через границу во Францию.

— Когда Солженицын приезжал в Эстонию в последний раз?

— Поздней осенью 1968 года. Александр Исаевич приехал, чтобы посетить могилу Арнольда Сузи и также лагерного друга Георгия Тенно, который тоже похоронен в Таллинне. Борьба с тогдашней реакцией, травля, постоянная забота и тревога за рукописи, темное будущее, моя неугасающая скорбь о папе набрасывали омрачающую тень на его последнее свидание с Эстонией.

Сегодня, более чем через двадцать лет, мне все еще помнится излучение его творческого таланта, лишенное надутости и самохвальства, и даже покорность, исходящая от знания связанности его с Откровением. Вспоминается одержимость творчеством в честь Бога и истины.

МОЛИТВА
Как легко мне жить с Тобой, Господи!

Как легко мне верить в Тебя! Когда расстается в недоумении или снимает ум мой.

Когда умнейшие люди не видят дальше сегодняшнего вечера.

И не знают, что надо делать завтра,

Ты снисслагашь мне ясную уверенность,
Что Ты есть и что Ты позаботишься,

Чтобы не все пути добра были закрыты.

На хребте славы земной я с удивлением оглядываюсь

На тот путь, через безнадежность — сюда,

Откуда и я мог послать Человечеству отблеск лучей Твоих.

И сколько надо будет, чтобы я их еще отразил, — Ты дашь мне.

А сколько не успею — значит, Ты определил это другим.

В 1976 году Солженицын сообщил японскому профессору Г. Утимура, тоже бывшему заключенному, что эта молитва родилась случайно и не предназначалась для печати...

Борис СМОЛЬ.
СТАВРОПОЛЬ.

На снимках: 1-я полоса — А. Сузи и А. Солженицын; 4-я полоса — Хели Сузи; писатель с хозяйкой хутора, где он жил. Снимки публикуются впервые.